

УДК 254.4

МАНИХЕЙСТВО В УЙГУРСКОМ КАГАНАТЕ

Каликов Рустам Куаншбаевич

k

Докторант второго курса факультета международных отношений
кафедры тюркологии Евразийского национального университета им.

Л.Н. Гумилева Нур-Султан, Казахстан

Научный руководитель – Н.Г. Шаймердинова

и

Синкретическое религиозное учение – манихейство или манихеизм возникло в III в. на Ближнем Востоке, на территории современного государства Ирак. Термин манихейство происходит от имени основоположника – Мани. Манихейство впитало в себя зороастрийские, иудаистские, христианские, митраистские, гностические, а позднее и буддийские элементы, но, тем не менее, представляет собой цельную религиозную систему, с достаточно сложной космогонией, дуалистической философией, основанной на борьбе добра и зла, тьмы и света, развитой иерархией. В I тысячелетии н.э. религия манихейство получило большое распространение на территории Старого Света, но претерпевало зачастую значительные гонения.

В VIII в. манихейство распространилось на территорию Уйгурского каганата (745 - 840 гг.), и в 762 году, после обращения в манихейство Бегю-кагана (759 - 780 гг.) он провозглашает манихейство государственной религией Уйгурского каганата. Известны и условия, при которых произошло это событие, участвуя в подавлении восстания Ань Лушаня, поставившего в свое время под угрозу само существование имперского дома Тан, уйгурское войско захватывает город Лоян, где Бегю-каган знакомится с манихейством и привозит в Орду-Балык (Карабалгасун) четверых манихейских проповедников, по всей видимости согдийского происхождения. Этому свидетельствует Карабалгасунская надпись, найденная в 1889 г. Н.М. Ядринцевым во время его экспедиции на Орхон. Версия данной надписи, написанная древнетюркскими рунами, практически не сохранилась, однако версия, написанная на китайском языке, позволяет нам получить представление о ее содержании. Изучением китайской версии Карабалгасунской надписи в разное время занимались следующие исследователи: Г. Шлегель, П. Пельо, В.П. Васильев, Э. Шаванн, А.К. Камалов [1; 22].

Существует также согдийская версия Карабалгасунской надписи, сохранившаяся несколько хуже, чем китайская. В контексте данного исследования, тем не менее, согдийский вариант Карабалгасунской надписи имеет большое значение, так как именно в ней содержатся точные упоминания манихейства в качестве государственной религии Уйгурского каганата. Приведем фрагмент перевода китайской надписи [2; 195].

[8] Жуй-си и других, всего четырех монахов, [он] привез в [свое] государство. [Они] распространяли две кумирни, проникали в три предела.

Наставники закона [Ма]ни сокровенно достигли светлых ворот, овладели семью разделами. [Их] таланты превосходили моря и горы. [Их] красноречие было подобно

падающей [с небес] реке. Поэтому [они] смогли открыть уйгурам праведное учение. [Они] отвергли мясную пищу, молочные продукты ввели в правило. [Этим они] установили большие заслуги. Тогда [им] сказали: "Вы соединили всю возможную благодать". В это время тутуки, чигили, внутренние и внешние министры, сыма - все доложили:

[9] "Ныне раскаиваемся в [своих] прежних грехах. Почтительно служим праведному учению. Принимаем указ и объявляем [его]. Как можно получить и удержать неуловимость и сокровенность этого закона! Еще трижды раскаиваемся, что прежде не знали [его], демона называли буддой. Ныне уже исправили заблуждения, нельзя возвращаться к проступкам. Особо надеемся..."... Поскольку имели искренние устремления, отправились и получили подношения. Все имевшиеся вырезанные и нарисованные изображения бесов приказал сжечь. Отвергли моления духам и поклонение демонам

[10] и приняли учение света. [Страна], в которой [существовали] варварские обычаи [вдыхать] испарения крови, преобразовалась в страну, где едят постную еду. Государство, в котором убивали, превратилось в государство, где поощряется добро. Поэтому чиновники совершенномудрых людей наверху действовали, внизу приказывали [или: сверху личным примером, снизу приказом?]. Когда правитель закона услышал о том, что [они] приняли праведную религию, глубоко одобрил искренние устремления... Пожелал увезти всех монахов и монахинь в [свое] государство, чтобы распространить собственный путь. Приказал ревностных последователей рассылать на восток и запад».

Этот фрагмент текста Карабалгасунской надписи дает нам информацию про привезенных Бегю-каганом в столицу Уйгурского каганата город Орду-Балык (Карабалгасун) четырех манихейских монахов-проповедников. Проповедники и их образ жизни характеризуются в тексте положительно, отмечается, что монахи, как талантливые и красноречивые служители манихейства смогли завоевать авторитет у населения Уйгурского каганата. Отмечается, что монахи часто молились и отказались от употребления мясной пищи. Монахи как представители манихейства распространяют среди жителей Уйгурского каганата праведное учение о свете и добре человека. Манихейство как праведное учение уделяет внимание заблудшим, отступившим от этого учения, делает призывы к раскаянию, отмолению грехов. Также дается характеристика государства, в котором варварские обычаи и нарушаются законы. Благодаря религиозному учению Мани жестокое государство должно стать добрым государством.

По всей видимости, факт принятия манихейства в Уйгурском каганате в качестве государственной религии объясняется рядом факторов:

Во-первых, новая кочевая империя нуждалась в религии, которая смогла бы объединить население степи под крылом правящего дома. Очевидно, традиционное для тюркоязычных общинников тенгрианство не могло выполнять функцию идеологической поддержки государства. В свое время с той же проблемой сталкивались и предшественники уйгурского правящего дома, в частности, известны попытки каганов рода Ашина установить в качестве такой религии буддизм. Однако из приведенного выше текста можно сделать вывод о неприятии буддизма уйгурами («трижды раскаиваемся, что прежде не знали [его], демона называли буддой»). Действительно, Бегю-каган подвергал гонениям буддистов, приказывал уничтожать буддистские монастыри во время китайских походов.

Во-вторых, принятия манихейства можно назвать стремление кагана наладить связи с согдийцами. Именно согдийцы считались миссионерами данной религии среди уйгуров. Согдийцы — восточноиранский народ, происходящий из Согдианы, центром которой являлся современный Самарканд. Согдийцы внесли огромный вклад в культурное, экономическое и религиозное развитие народов, проживавших по Великому

Шелковому пути. Согдийцами были основаны многие города-колонии по всем участкам торговых путей от Китая до Причерноморья. Согдийский язык был своеобразным лингва франка по всему Великому Шелковому пути. И, по всей видимости, именно через согдийцев манихейство было перенесено с территории Ирана сначала в Среднюю Азию, потом в Китай, а затем и в Монголию.

Отметим, что согдийско-тюркские связи не являются чем-то новым. С начала основания Первого тюркского каганата согдийцы, так или иначе, соприкасались с тюрками. С.Г. Кляшторный и В.А. Лившиц утверждают, что задолго до завоевания Средней Азии тюрками, уже в III-V вв., существовали тесные контакты между тюрками и индоевропейским населением Восточного Туркестана, в том числе и согдийцами. Эти связи были настолько очевидны для Китая, что первым послом, прибывшим в 545 г. в ставку Бумына, китайский двор сделал Аньнопанто, согдийца из Ганьсу [3; 143-144].

Таким образом, первый посол, который был отправлен Западным Вэй к Бумыну, тогда еще ябгу, был согдийцем. Посланник Истеми-ябгу к византийцам был согдийцем. Стелы с письменными памятниками первого тюркского каганата были написаны на согдийском языке. По всей видимости, Таспар-каган принял буддизм также в результате согдийского влияния. Одним из наиболее близких советников Дулань-кагана (588-599) был согдиец Ань Суй-цзе, активно противодействовавший китайскому влиянию на тюркскую политику.

Из всего этого следует, что для уйгуров, считавших себя наследниками тюркских каганатов, связи с согдийцами были продолжением практики, насчитывавшей многие сотни лет.

Из текста Карабалгасунской надписи можно также сделать вывод, что наиболее рьяно новую для Степи религию приняли представители элит («тутуки, чигили, внутренние и внешние министры, сьма»), в то время как основная масса кочевников продолжила практиковать тенгрианство.

О том, что на территории Уйгурского каганата помимо манихейства существуют и другие религии, говорят арабские источники. Так, Ибн аль-Факих аль-Хамадани в своей книге «Известия о странах» (конец IX – начало X вв.), говоря о путешествии Тамима ибн Бахра ал-Муттава'и в страну тогуз-огузов, сообщает следующее:

«Затем он шел еще двадцать дней сплошь деревнями и многочисленными поселениями, население которых полностью или большей частью были тюрки, среди них были огнепоклонники и зиндики — манихеи. По истечении этих двадцати дней, наконец, он добрался до города царя. И упомянул он, что это большой и богатый город, вокруг которого располагались бесконечным рядом деревни. Город имел двенадцать железных ворот, здесь много народу, толкотни, рынков, товаров. Основная масса населения — манихеи-зиндики. Он упомянул; что расстояние от города до страны ас-Син было примерно триста фарсахов. Сказал он: «Мне думается, больше того». Он сказал: «Справа от города царя тугузгузов — страна тюрков, которые не смешаны с другими, слева — страна кимаков, а перед ним — ас-Син».

Отметим, впрочем, что, на наш взгляд, трактовка конечной цели путешествия Тамима ибн Бахра ал-Муттава'и несколько дискуссионна. Большинство исследователей уверены, что речь идет об уйгурском каганате [4; 16], а упоминаемая в тексте столица — Орду-Балык, находившаяся на берегу р. Орхон на территории Монголии. Однако упоминаемые географические ориентиры, в частности, «слева — страна кимаков, а перед ним — ас-Син», позволяют предположить, что речь идет всё же не о территории Монголии, а о территории Восточного Туркестана, от которого Китай на самом деле находится на востоке, а страна кимаков — на севере.

Закрепившись на территории Уйгурского каганата, манихейские священнослужители проникают обратно в Китай. Так, китайский летописец, говоря о правлении Кюлюг-Бильге кагана, сообщает о прибытии с двумя посольствами манихейских проповедников, для которых китайским императором в 806 г. был построен монастырь.

«Хойху приехали к Двору с данью, с ними в первый раз прибыли Мони, для помещения коих построен монастырь. Они ежегодно приезжали, и производили разные злоупотребления: почему в двенадцатое лето, в 817 году, высланы в свое государство».

«В первое лето правления Юань-хо, 806, дважды приезжали к Двору с приношениями. Тогда в первый раз Мони привезли свой закон — ежедневно питаться овощем, пить воду и купно кумыс. Хан давал им казенное содержание: Мони проникли в столицу. Через них купцы западных рынков, при провозе и вывозе товаров, много подлогов производили в дорожной клади» [5; 331]. Из данного фрагмента видно, что манихейские священники пытались пользоваться уйгурским влиянием на танский Китай, пытались распространить манихейские практики на его территории. Однако успех этих намерений был переменным, как только влияние каганата несколько ослабло, манихейский монастырь, о котором идет речь в источнике, просуществовав 11 лет, был закрыт. Вместе с окончательным падением Уйгурского каганата в 840 г., когда он был разбит кыргызами, происходит и повсеместное закрытие манихейских храмов в Китае. С распадом Уйгурского каганата манихейство практически изживает себя на территории Монголии, однако сохраняется у тюрков Восточного Туркестана и Южной Сибири.

Таким образом, в VIII веке синкретическая религия манихейство распространилось на территорию Уйгурского каганата (745 - 840 гг.), и в 762 году, правитель Бегю-каган (759 - 780 гг.) провозглашает манихейство государственной религией Уйгурского каганата. Текст Карабалгасунской надписи позволяет нам прийти к выводу, что Бегю-каган сделал манихейство государственной религией Уйгурского каганата и лично способствовал распространению манихейства в Уйгурском каганате привезя в столицу Орду-Балык (Карабалгасун) четырех манихейских монахов-проповедников.

Принятие манихейства в Уйгурском каганате в качестве государственной религии объясняется следующими выводами:

1). Новая кочевая империя нуждалась в религии, которая смогла бы объединить население степи под крылом правящего дома. Очевидно, традиционное для тюркоязычных общинников тенгрианство не могло выполнять функцию идеологической поддержки государства.

2). Принятия манихейства в Уйгурском каганате является стремление кагана наладить связи с согдийцами, потому что именно согдийцы считались миссионерами манихейства среди уйгуров.

Список использованных источников

1 Кляшторный С.Г. Рунические памятники Уйгурского каганата и история евразийских степей / С.Г. Кляшторный. — СПб: «Петербургское востоковедение». — 2010. — 328 с.

2 Камалов А.К. Древние уйгуры. VIII - IX вв. / А.К. Камалов. — Алматы: Наш Мир, 2001. — 216 с.

3 Кляшторный С.Г., Лившиц В.А. Согдийская надпись из Бугута / С.Г. Кляшторный, В.А. Лившиц // Страны и народы Востока. т. X. — Москва, 1971. — С. 121-146.

4 Асадов Ф. М. Арабские источники о тюрках в раннее средневековье / Ф.М. Асадов. — Баку: Элм, 1993 — 204 с.

5 Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена / Н. Я. Бичурин. — Том 1. — М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950. — LXXXVIII, 381 с.